

ФРИДА АБРАМОВНА

ВИГДОРОВА

ФРИДА АБРАМОВНА

ВИГДОРОВА

Семейное счастье

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В41

Серия «Русская классика»

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Вигдорова, Фрида Абрамовна.
В41 Семейное счастье : [повесть] / Фрида Абрамовна Вигдорова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-17-162584-9

Эта история начинается с большой любви, любви с первого взгляда, когда Александра и Андрей знакомятся весной 1937 года. Кто знает, как бы сложилась их жизнь, не начнись Великая Отечественная война. Но несмотря ни на что, жизнь продолжается и надо двигаться вперед, через испытания и лишения, в поисках своего счастья.

Это повесть-размышление о том, что такое счастье, возможно ли оно и где его искать. В любви? Семье? Детях? Любимом деле?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162584-9

© Ф. Вигдорова, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Я прожил много, и мне кажется, что нашел то,
что нужно для счастья.

Л. Толстой. «Семейное счастье»

Пролог

Иногда люди думают, будто они первые открыли прелесть весны, зимы или тишину утреннего моря. Очарование человека, неба или дерева. А как Андрей открыл Сашу? Очень просто. Он учился в Военно-воздушной академии. Она кончала школу. Двор, где жила Саша, был отделен от улицы железной узорной оградой. Была весна. Саша и Андрей сдавали экзамены. Он — в академии, она в своем десятом классе.

Андрей только что сдал теорию воздушной стрельбы. Он не просто сдал. Молодой и очень строгий профессор с длинным бледным лицом и узкими зоркими глазами сказал ему:

— Я рад. С вами можно говорить. Вполне осмысленная речь. И вы умеете самостоятельно мыслить. Молодец!

Молодой строгий профессор редко хвалил. А тут он не поскупился. «Я рад, — сказал он, — молодец! Вы умеете самостоятельно мыслить!»

Человеку всегда трудно одному со своей радостью. У Андрея были, конечно, товарищи, но не было се-

мы. Как большинство слушателей академии, он снимал комнату. И сейчас, когда Андрей вернется домой, мамины глаза не поднимутся навстречу ему. И он не ответит насмешливо: «Провалился!»

...Хотелось спать. Сейчас он придет и ляжет. Но никто не прикроет его одеялом. А ведь он знал, что кое-кого из его товарищей укрывали одеялом, им даже подавали чай и говорили: «Отдохни, Володя, отдохни, милый!» Андрей думал обо всем этом, смотрел по сторонам и попросту не очень торопился.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Андрей родился и рос в Калуге. На окраине стоял бревенчатый просторный дом. Запах смолы не выветривался, не уходил из него, хотя бревна, из которых он был сложен, были очень старые.

Когда приходила весна, весь дом наполнялся запахами земли, листвы, сада. Комнаты были прохладные, полы крашенные, чисто вымытые, а в раскрытые окна бежал ветер.

И теперь, когда Андрей стал взрослым, каждая новая весна несла ему эти незабываемые запахи его детства — земли, травы, ветра.

Окна в их доме распахивались рано, гораздо раньше, чем у других.

В кабинете отца стоял массивный письменный стол, резной, огромный, и глубокое кожаное кресло. По стенам стояли шкафы — очень старые, полные старинных медицинских книг. Их читал еще прадед Андрея, он и положил начало этой библиотеке. Отец — Николай Петрович — редко снимал их с полки, но дорожил ими. И все вместе — стол, кресло, книжные шкафы — уважительно называлось «папина библиотека». В папиной библиотеке всегда было чисто, прохладно и чуть сумрачно:

окна выходили на север, да еще у самых окон росли кусты бузины.

У мамы тоже была своя комната и свои книги. Но у мамы все было другое. Ее комнату заливал яркий свет, и в окна заглядывала сирень. Солнце кочевало от одного окна к другому.

Тут не было штор, только легкие светлые занавески. И казалось, что комната вплывает прямо в сад. На мамином кресле всегда лежала какая-нибудь книга, а любила она книги, которые в детстве казались Андрею скучными: Чехов, Гончаров, Ибсен и Гамсун.

Все в мире открывала Андрею мать.

— Послушай, как тихо, — говорила она. И он понял, что тишину можно слушать.

— Не зажигай света, — просила она, — посидим так. — И он узнал, как хорошо посумерничать и помолчать вдвоем.

Однажды поздней осенью они шли по лесу, по желтым лесным дорожкам. Только выпал первый снег — тонкий, редкий, словно не снег, а изморось. И вдруг мама сказала:

— Посмотри, березовые листья как золотые пятки на снегу. Верно? А кленовые — как будто след птичьей лапки. А вот дубовый, распластаный погляди.

— Как след медведя! — сказал Андрей. Мать ответила радостным смехом:

— Да, да! Как будто медведь прошел!

Да, видеть это, радоваться этому тоже научила его она.

Он не мог бы рассказать, как она воспитывала его, он и не знал, что его «воспитывают». Однажды, вернувшись из школы, он сказал:

— Мама, Елена Федоровна говорит: «Москвин, ты ведешь себя примерно, я поручаю тебе после уроков приносить мне фамилии ребят, которые плохо ведут себя на перемене». Что же мне делать? Не стану я записывать

Мать ответила:

— Отчего же? Пиши! Да только всегда одну фамилию — свою собственную.

Андрею стало весело — в самом деле, как хорошо и просто она придумала.

А в другой раз было так. Мать работала в саду — она сама выращивала цветы: ранней весной — незабудки, анютины глазки, летом — розы и флоксы, осенью — астры и георгины.

Вернувшись из городского сада, где он играл с ребятами в казаки-разбойники, Андрей стоял и задумчиво глядел, как, сидя на корточках, она копается в земле. Оба молчали

И вдруг, вскинув на него глаза, она спросила с мягкой насмешкой:

— А ты не устал стоять?

Ему было тогда лет семь. Пожалуй, никакой самый беспощадный укор не запечатлелся бы в его памяти так глубоко, как эти насмешливые слова.

Всю домашнюю работу они делали вдвоем: мыли полы, летом белили стены (мать не признавала маляров). Когда она стирала, Андрей приносил из колодца воду. А полоскать ходили на речку. Они вместе несли

корзину с бельем, и по дороге он мог спрашивать обо всем на свете. Она никогда не отвечала: «Тебе это рано знать» или: «Ты этого не поймешь».

Однажды она рассказала Андрею историю английского капитана Скотта, который открыл Южный полюс на пятнадцать дней позже норвежца Амундсена. Андрея долго не оставляла мысль о том, как они шли обратно — пятеро друзей по снежной пустыне на отяжелевших лыжах, обманутые в своей надежде, в своей мечте. Подумать только — опоздать на пятнадцать дней!

Он видел капитана, который, лежа в палатке, окоченевшей рукой выводил на бумаге последние слова друзьям и родным. Их нашли мертвыми. Кажется, через год. Они лежали так, как их застала смерть, — обманутые, обессиленные, но не сдавшиеся. Тогда не было самолетов, — думал Андрей. Я бы сел на самолет и полетел бы к ним. Я приземлился бы и — вот она, палатка, я бегу, бегу туда, ноги вязнут в снегу...

— Капитан Скотт, — говорил он дрогнувшим голосом, — вы спасены! Я советский летчик! Я прилетел за вами!

— Как я рад! — отвечала за капитана Скотта мама. Этот ответ казался Андрею легкомысленным, он ожидал. Слов более высоких, красивых, торжественных, а все же он радовался, что она так быстро, так легко вошла в игру, не придирается, не говорит: «Тогда еще не было советских летчиков», — нет, ей ничего не надо объяснять.

— Помогите моим друзьям, — говорит она. — Они вели себя мужественно!

Да, да! Именно так должен был отвечать капитан! Первое его слово не о себе — о друзьях!

И Андрей поил отважных исследователей вином, давал им лекарства, сажал их в самолет, и они летели высоко над бескрайней снежной равниной.

Проснувшись утром, Андрей слышал:

— Здравствуй, милый!

Так говорила она и проводила рукой по его щеке. И звук этого голоса он вызывал в своей памяти всякий раз, когда ему бывало трудно, уже много времени спустя после ее смерти. «Здравствуй!» — это слово означало, что начинался день, что они будут вместе. И сейчас, уже взрослым, увидев чашку с молоком, он вспоминал ту, белую в красных горошинах чашку, которая ждала его когда-то на кухонном столе. Придя из школы, он останавливался у порога и переобувался, чтобы не наследить в комнатах. И горячая плита, и потрескивание дров, и чашка с молоком, и простое слово «Здравствуй!» — все это наполняло его ощущением покоя.

Главным человеком в доме была она. Андрей вырос с этим чувством и не понимал, как может быть иначе.

В их доме все комнаты постоянно — даже поздней осенью — были полны цветов. Цветы стояли в банках, кувшинах, ведрах. Они стояли повсюду и часто мешали отцу, но он никогда не забывал сказать, разводя большими руками:

— Какая прелесть твои цветы, Анюта!

Когда мать играла на старом пианино, где «до-диез» не откликалось вообще, а «фа» простужено дребезжало, отец слушал задумчиво и благоговейно.

Он был старше матери, и Андрей с детства помнил его сутулым, с седыми висками, в очках. Даже на детской фотографии Николай Петрович походил на себя взрослого — сутулый подросток в очках. И так было странно, что его когда-то называли Колей.

Мама хоть и говорила ему «ты», но называла Николай Петрович. А отец говорил ей Анюта или «дитя мое». И Андрею это нисколько не казалось смешным. Появились у матери седые волосы и морщины прорезали высокий, чистый лоб, а отец все говорил «дитя мое».

Однажды Андрей услышал, как отец его товарища, Вани Покатилина, сказал жене: «Да ты сдурела!» Андрею показалось, что сейчас обрушится потолок. Со страхом посмотрел он на Ванину маму, на самого Ваню, — никто и бровью не повел. Только мать ответила: «Сам ты сдурел!»

...А город? Что на свете было лучше Калуги? Тихие улицы, шелест деревьев, и на окраине, почти у самой Оки, простой деревянный дом, каких в Калуге много, — дом Циолковского. Андрей часто видел высокого, бородатого старика в очках. Видел часто, но лучше всего запомнил одну встречу. Ничем она не была примечательна, но отчего-то запала в память. Андрей увидел его издали и сказал себе: «Я поздороваюсь. На этот раз я поздороваюсь. Я скажу: «Здравствуйте, Константин Эдуардович...»

Старик приближался. Андрею казалось: все в нем — величие. И рассеянная походка, и сосредоточенное лицо. Он шел, опираясь на палку, ничего не

слыша. Андрей шагнул к нему навстречу и... ничего не оказал. Он не посмел нарушить молчание, не посмел спугнуть тишину, которую нес в себе этот человек. И долго стоял Андрей, глядя вслед старику. А тот все шел и шел к реке, где ожидала его своя лодка... Никому в этом не признаваясь, Андрей горячо верил, что будет среди тех, кто первыми полетят на Марс. Этот микроб жил в воздухе его города, где так часто слышалось волшебное слово «звездоплавание». Андрей твердо верил, что на Марсе есть люди, — в этом его убедили «Аэлита» Алексея Толстого и Циолковский, с которым он так и не посмел заговорить.

Андрею было шестнадцать лет, когда умерла мать. И детство сразу кончилось. Стало темно. Во все щели дома вползала тоска. Она не давала ни жить, ни дышать. Все, что радовало при матери, — цветы в палисаднике, небо, трава, деревья, — все превратилось в боль, все напоминало о ней. Когда отца не было дома, Андрей входил в ее комнату. Тут ничего не случилось. На письменном столе лежала раскрытая книга, на ночном столике стояли ее лекарства, поблескивало стекло ее маленьких круглых часов.

— Николай Петрович, — говорила отцу соседка, — носильные вещи надо бы раздать за помин души. А, Николай Петрович?

Отец не отвечал и, сутулясь, уходил к себе. Мамины вещи по-прежнему висели в шкафу. Отец нес в себе свое горе мрачно, не расставаясь с ним ни на минуту, и целыми днями пропадал в больнице.

Случалось, Андрей не видел отца по несколько дней. Отец не знал, как Андрей учится, не заме-

чал, что сын вырос из своего прошлогоднего пальто. Андрей боялся напоминать о себе, он часто ночевал у Вани Покатилина, где громко разговаривали и смеялись. Ему трудно было слышать чужой смех, но еще труднее оставаться в молчании своего дома. Это была не та тишина, которую она любила и его научила любить.

Отец все так же принимал больных, по первому зову шел на другой конец города или выезжал на село. Лицо его было угрюмым, беспощадным, злобным. Андрей удивлялся, что это лицо никого не отпугивает, что к отцу по-прежнему идут за помощью и советом. Андрей не обращался к нему ни за деньгами на завтрак, книги, кино, ни с просьбой купить новые башмаки.

И вот пришел день — это было в 1931 году, — и Андрей, запинаясь (он отвык говорить с отцом), сказал Николаю Петровичу, что райком комсомола направляет его в Оренбургское летное училище и что завтра он уезжает.

Отец поднял на него глаза и вдруг спросил:

— А я? Я-то как же? Один?

Махнув рукой, он ушел к себе в кабинет. И долго-долго потом, среди ночи, утром на занятиях, на улице — внезапно, как удар в сердце, Андрей слышал этот голос, эти слова: «А я? Я-то как же? Один?»

Он уехал, но разлука с отцом кончилась. «Прости меня, — писал отец, — я очень виноват перед тобой. Ты был оставлен мне в наследство, я не смел забывать о тебе, не смел так подчиняться горю. Не забывай, пиши».